

Хангалов М.

Духи-людоеды у бурят.

(К вопросу о человеческих жертвоприношениях).

Этнографическое обозрение. 1896. № 1.

[129] — начало страницы.

OCR Ollva.

У бурят Унгинского Инородческого ведомства существуют духи-людоеды, которые едят человеческое мясо и пьют человеческую кровь, как питье. Таких духов-людоедов у бурят много; например: *Ада*, которые разделяются на две группы — хороших и худых. Хорошие ада новорожденных детей не едят и не трогают: напротив, они заботятся о них и няньчатся с ними; кроме того, ада заботится о хозяине, чтобы у него ничего не пропало, чтобы посторонние люди не унесли без спроса какую-нибудь вещь. Худые ада едят новорожденных детей, а потому буряты употребляют все меры, чтобы не допустить к новорожденному ребенку худого ада, и разными религиозными обрядами прогоняют его, если он входит в дом или юрту, где лежит новорожденный ребенок. По словам бурят, ада ест новорожденных детей только до года; ребенка, которому год и более, а также взрослых ада не трогает. Чтобы не допустить худых ада в дом, то из предосторожности никого из посторонних или незнакомых не пускают, чтобы худые ада с ними не вошли в дом незамеченными; эта предосторожность называется „хорюр” — запрещение. Если шаман положит запрещение, т.-е. „хорюр”, тогда обыкновенно никого не пускают и даже дверь держат постоянно запертою; другие возле двери ставят чугунный кувшин или горшок с палкою: кто входит в дом, тот должен постучать палкой в горшок, чтобы худой ада не вошел вместе с ним. В большинстве случаев шаман делает так называемый „хахюхан” — оберегатель; хахюхан или заян, от имени которого сделан оберегатель, должен беречь новорожденного ребенка от худого ада и от прочих злых духов. [130]

Кроме «ада», есть еще другой дух, которого буряты называют *Му-шубун*; он живет в лесах. Му-шубун гораздо опаснее и сильнее, чем ада. Му-шубуны едят взрослых людей, одиноко кочующих в лесах. Му-шубун убивает людей своим длинным красным клювом, на подобие клюва птицы, словно из железа. Он подходит к спящему человеку, ударяет его клювом по голове и пробивает ее, а затем, убив таким образом человека, съедает его мозг, печень и почки.

Кроме ада и му-шубун, питающихся человеческим мясом, у бурят есть и другие духи-людоеды, которые еще сильнее, чем ада и му-шубун. Эти духи-людоеды принадлежат к числу сильных и больших *черных заянов*. Для таких заянов буряты в прежнее время приносили в жертву людей для умиловления этих духов-людоедов.

Что человеческие жертвоприношения существовали у бурят, это бесспорно, хотя нынешние буряты не могут подтвердить этого. Существование духов-людоедов и обряда „долё” (о нем скажу далее) вполне доказывает, что у бурят когда-то существовали такие жертвоприношения. Подтверждением служат слова призываний черных заянов, например:

„Улан шухан ундан Красная кровь — питье,

Хуни мяхан хунхэн, Человеческое мясо — харчи

Хара архи хаба Черное вино — уменье (мудрость)
Дак хара тогон Черный от кипи котел,
Дабирха хара иден”... Черная, как деготь, пища...

Есть еще и другое призывание черного зайа, в котором говорится:

„Хунн мяхая хунхэн „Человеческое мясо — харчи,
Хуни шухан ундан...” Человеческая кровь — питье...”

В настоящее время заянам обыкновенно приносят в жертву животных.

В числе восточных *хатов* и *тэнгэринов*, которые считаются покровителями черных заянов и шаманов, тоже есть людоеды. Так, между восточными хатами девять кровавых хатов (ехон шухан хат), которые тоже питаются человеческим мясом и пьют человеческую кровь. Между восточными тэнгэринами находим девять кровавых тэнгэри (ехон шухан тэнгэри) и тринадцать тэнгэри *Асаранги* (Асаранги арбан чурбан тэнгэри) и по мнению других восемнадцать тэнгэри Асаранги, которые тоже питаются человеческим мясом и пьют человеческую кровь, как питье.

Теперь обратимся к *черным шаманам*, представителям черных заянов, восточных хатов и тэнгэринов. Буряты и [131] теперь обыкновенно говорят, что черный шаман ест людей, хотя это вовсе не соответствует действительности. Бурятское выражение „харан бõ ху иде" в буквальном переводе по-русски значит: „черный шаман съел человека”. Таким образом, хотя нынешний черный шаман не ест человека в самом деле и не приносит человеческих жертвоприношений, как в былое время, но все-таки выражение сохранилось до сего времени. Нынешний черный шаман, по словам бурят, не ест человека в буквальном смысле этого слова, а только ест душу человека, с помощью своего покровителя черного зайа. Следовательно, у бурят в прежнее время, помимо черных заянов, хатов и тэнэринов, и черные шаманы считались людоедами, почему прежние буряты не любили и боялись их, как людоедов и как причиняющих разные несчастья и болезни, и теперь тоже боятся и не любят их, хотя человеческих жертвоприношений и долё уже не существует. В связи с этим находятся выражения: „хуни мяха шуханда хухэхима” (желающий человеческого мяса и крови), „хуни мяха шуханда обтохыма” (так ему хочется человеческого мяса и крови).

Интересно обратить внимание на борьбу черных шаманов между собою, при чем часто случается, что один черный шаман „ест душу” другого черного шамана. Когда два черные шамана разсорятся между собою, то, желая съесть друг друга, они выходят на борьбу следующим образом: оба черные шамана шаманят, призывая каждый своих покровительствующих заянов; в это время души этих черных шаманов борются между собою; если душа одного черного шамана в борьбе побеждает душу другого черного шамана, то победившая ест побежденную. Во время такой борьбы иногда душа одного черного шамана обращается в медведя или волка и гонится за душою другого шамана, душа которого тоже обращается козулею или каким-нибудь другим животным и в таком виде гонятся друг за другом. Победитель, обратившийся в медведя или волка, догнавши своего противника, обратившагося в козулю или другое животное, обыкновенно съедает его. Это доказывает людоедство черных шаманов и покровительствующих им черных заянов, хатов и тэнгэринов. Иногда какой-нибудь черный заян ест душу шамана или

простого бурята; у которого шамана или простого бурята душа съедена, тот скоро умирает, потому что без души человек не может жить долго.

Здесь следует упомянуть и о *черных кузнецах* и об их заянах. Черные кузнецы и их черные заяны очень сильны и тоже едят людей. Черный кузнец делает человеческую фигуру, т.-е. модель какого-нибудь человека с конем, над которым делает обряд „амилха” (оживить), а потом вносит в кузницу, где, шаманя т.-е. призывая своих черных кузнечных [132] заянов, сделанную фигуру ставит на наковальню и разбивает молотом. После этого тот человек скоро должен помереть.

По мнению бурят, *белые шаманы* — представители добрых заянов, ухан-хатов, западных хатов и западных тэнгэринов. Белые шаманы не едят людей, как черные шаманы; также белые заяны, ухан-хаты, западные хаты и западные тэнгэрины не едят людей, которых и не приносили им в жертву. В честь белых заянов, ухан-хатов, западных хатов и западных тэнгэринов совершают религиозные обряды с жертвоприношениями в новолуние и всегда днем: „талганы” и „когрыки” — это обряды с кровавой жертвой, а „зухэли”, „гаргаха” и „тэнгэри-дудаха” — с „тарасуном”, вином и молочными продуктами, но без животных.

Для религиозных жертвоприношений черным заянам, восточным хатам и тэнгэринам выбирают темную, безлунную ночь; для жертвы употребляют „сагань”, т.-е. хурунгу из молочной пищи; при некоторых религиозных обрядах хурунгу вовсе не употребляют, а заменяют ее дегтем.

В талганах, совершаемых белым заянам, ухан-хату, западному хату и западным тэнгэринам большею частию, кроме животных, употребляется молочная пища; иногда талганы делаются из одной молочной пищи без животных, такие талганы называются „сагагар тахиха” или „идегэр тахиха”. В больших религиозных обрядах, например: „зухэли-гаргаха” и „тэнгэри дудаха”, вовсе недопускаются животные, пролитие крови считается большим грехом, и ограничиваются только одною молочною пищею, тарасуном и вином; во время этих обрядов крик, шум, драка и ругань строго запрещаются, как для хозяев, так и для посторонних присутствующих.

При религиозном обряде „хун-долё”, давали человека в жертву черному заяну во время болезни; это означало, что за больного человека дают другого человека, т.-е. больного заменяют другим и желают умиловить того черного заяна, который послал болезнь больному; тогда черный заян, приняв человеческое жертвоприношение и умиловившись, пошлет выздоровление больному. Приведу следующее предание о „долё”.

Были два брата: один Тёмё, богатырь, который имел двух дочерей; а другой брат бедный Тэрму, имевший двух сыновей и двух дочерей. Однажды богатый Тёмё, в это время живший на местности Мадаган (ныне в Бильширском инородческом ведомстве), сильно заболел; вследствие этого он обратился к черному шаману, который сказал, что нужно делать жертвоприношение человеком, т.-е. долё. Тёмё совершил религиозный обряд так называемый „хун долё”. У Тёмё жила одна девица служанка, которую звали Боржихон; выбор черного шамана пал на эту девицу Боржихон, которую и принесли в жертву по [133] обряду хун-долё, как обыкновенно приносят теперь в этих случаях животных, но только с некоторыми особенностями. А именно: приступив к обряду „хун долё”, сделали все приготовления какие требуются, а потом эту девицу Боржихон убили, как обыкновенно колют животных во время религиозных обрядов; при этом взяли „жулдэ” (у унгинских бурят — „хурай”; иногда и унгинские буряты хурай называют „жулдэ”, но очень редко). После этого вышли на степь, где по обряду разложили огонь, на который

положили тело убитой девицы головою к юго-востоку, и таким образом сожгли. По словам рассказчика, вперед на огонь положили жулдэ, а потом остальное тело. После этого религиозного обряда „хун-долё”, богач Тёмё помер; это значит, что черный заян не принял жертвоприношения хун-долё; за богача Тёмё он не принял девицу Боржихон, которую желали его умиловить.

Другое предание говорит, что богач Доно имел одного сына, который сильно заболел. Тогда, по совету черного шамана, совершили религиозный обряд „хун-долё”, для которого взяли мужчину, выбрав одного работника из 25; этого избранного работника и принесли в жертву, как животное. При совершении религиозного обряда „хун-долё” шаман шаманил следующим образом (привожу небольшой отрывок):

„Арбан табан хёбунхэн	Из пятнадцати работников
Ахагин барябаб,	Старшего поймал,
Хорин табан хёбунхэн	Из дватцати пяти работников
Хошурхан барябаб,	Опередившего поймал,
Мэни хэми тала	Для моей мерки
Хэмдэ хурэ,	В мерку иди,
Мэни хэлгэн тала	Для моей смерти
Хэлгэдэ хурэ... ”	К смерти иди...

Пооле этого „хун-долё” сын богача Доно выздоровел. Это значит, что черный заян, которому устроили этот религиозный обряд „хун-долё”, принял жертву, т.-е. душу работника принял за душу сына Доно, а мясо черные заяны съели, как еду, и кровь выпили, как питье. Рассказчик место жительства Доно не мог сказать, а только сказал, что этот богач жил в нынешнем Балаганском округе.

Таким образом прежние буряты больного человека заменяли другим, посредством религиозного обряда „хун-долё”, как ныне больного заменяют в долё животными. По мнению бурят, если человек сильно заболевает и должен помереть по воле заянов, то все-таки он с помощью хорошего шамана может выздороветь, отдав на место себя какое-нибудь домашнее животное в „долё”; если же животное нельзя отдать, заяны не принимают, то может отдать какого-нибудь постороннего человека из [134] соседей или же из родных вместо себя, тогда больной человек выздоравливает, а отданный человек заболевает и умирает; это у бурят называется „долё”, т.-е. замена.

В прежнее время, если к тяжело больному и умирающему призывали хорошего и черного шамана, тогда соседи и родные больного сильно побаивались, чтобы шаман взамен больного не отдал одного из них. По приезде шамана, который находился у больного, соседи и родные принимали меры предосторожности: в юрте разводили большой огонь и ночью не спали, так как будто бы у не спящего теловека душу трудно взять, она не выходит из тела, когда же человек спит, то его душу можно выгнать из тела и легко поймать.

В прежнее время, когда существовали жертвоприношения человеком вообще, то и долё тоже совершали человеком, но впоследствии этот обычай прекратился, хотя все-таки остались воспоминания об этих обрядах, ясно свидетельствующие о их существовании.

По мнению бурят, когда большой и черный шаман, по указанию больного или его домашних, шаманит ночью, тогда он ловит душу другого человека из соседей или из родных больного и отдает ее взамен больного, а душу больного освобождает из заключения и из цепей.

Белый шаман не может совершать обряд “долё” с человеческой жертвой, а животных может приносить в жертву.

Приведу два примера со слов бурят:

Один богатый человек сильно заболел и пригласил одного большого и черного шамана Хахул, который приехал к больному и начал совершать свои религиозные обряды; тогда один из соседей больного незаметно стал подслушивать, что они будут говорить между собою и кого будут отдавать в «долё» за больного. Он подслушал, что шаман Хахул и больной между собою согласились отдать в долё того самого бурята, который подслушивал их разговор. Тогда этот бурят поехал в лес, взяв с собою тарасун; когда он приехал в лес с тарасуном, то совершил особый религиозный обряд «духаху», после чего вырубил маленькую сосну и при этом говорил: «я рублю шамана Хахул». Срубив сосну и взяв ее с собою, он приехал домой, налил в кадушку воды и начал ее болтать привезенною сосною, держа вниз верхушкою; при этом он говорил: «болтаю воду шаманом Хахул, пусть голова шамана Хахул кружится, рождение (происхождение) Хахула заблудится и происхождение Хахула одуреет». Таким образом он болтал воду в кадушке до утра. В эту ночь шаман Хахул шаманил, чтобы за больного отдать в «долё» уже другого человека, но никак не мог шаманить: голова его кружилась, заяны его не приходили на его призыв. [135] На другое утро шаман уехал домой и после этого он скоро помер, а также помер и больной.

Другой пример: В Закулейском улусе сильно заболел староста Ишигил, который был богат. Ишигил пригласил шамана Халта. Когда шаман Халта приехал к старосте Ишигилу, то соседи и родные его приняли меры предосторожности. Это было в летнее время; когда настала ночь, то соседи и родные старосты Ишигила зарядили ружья, а у кого не было ружья, те приготовили стрелы и луки; в юрте под порогом двери положили веник: по мнению бурят, когда духи или душа шамана придет, чтобы войти в юрту, то этот веник обращается в непроходимый лес, и тогда дух или душа шамана не может войти в юрту, через этот лес; в юрте развели большой огонь и в ожидании шамана не спали. В эту ночь шаману Халта сделали трость (хёрбо); ночью шаман Халта начал шаманить, и в это время душа шамана Халта, сделавшись медведем, отправилась к соседу старосты Ишигила Дармаю, которого он, по указанию старосты Ишигила, хотел отдать в «долё» на место больного. Душа шамана Халта, под видом медведя, пришла к Дармаю, который в это время не спал. Медведь разобрал потолок юрты Дармая с северо-восточного угла и хотел войти в юрту; он уже вошел до половины тела в юрту, но в это время Дарма⁺ увидел медведя и в испуге крикнул: «что делаешь, Халта!» а потом из ружья выстрелил в медведя, который упал на улицу и убежал. Соседи и родные старосты Ишигила так и не спали по ночам до тех пор, пока шаман Халта не уехал домой, а староста Ишигил помер.

Таких преданий в разных местах найдется много, но я ограничусь этими для примера.

Без шамана также можно отдать в долё другого человека. Если какой-нибудь бурят присужден заянами умереть и заболит, или даже до болезни, он может за себя отдать другого человека, который за него должен помереть; это также называется «долё», или как обыкновенно говорят «долёхо», т.-е. отдать за себя другого человека, или заменить. В долё можно отдать чужих или из родных и даже из своих детей: но все-таки этот человек должен скоро помереть, потому что он только на время откупился, или заменился. Он опять может другой раз заменить, т.-е. отдать другого человека; но все-таки помирает скоро, лишь иногда может дожить до старости лет.

Если у кого-нибудь пропадет хороший конь, то, говорят, не нужно жалеть, так как хороший конь или скот пропадает за хозяина. Заяны хорошаго коня или другую скотину берут за человека, т.-е. за хозяина. Если этот конь не пропал бы, то [136] сам хозяин помер бы, а потому буряты говорят, когда хороший конь пропадет, то не нужно жалеть, так как он выручает своего хозяина, т.-е. конь идет в «долё» за своего хозяина.

При этом нужно обратить внимание на то, как относятся к больному или здоровому местные заяны, а также и другие заяны, которые или покровительствуют ему, или же нет; если он постоянно брызгает вино и тарасун и исполняет другие религиозные обряды заянам, тогда они его любят и защищают, стараются заменить другим.

В прежнее время обряд долё был самый распространенный между бурятами, в особенности в те времена, когда существовали человеческие жертвоприношения; в те давнопрошедшие времена, когда человек заболел, тогда совершали «хун долё», т.-е. человеческое жертвоприношение, чтоб умиловить какого-нибудь черного заяна; таким образом за больного человека отдавался другой взамен, чтобы больной выздоровел.

Сообщу одно предание о человеческом жертвоприношении и по какому случаю этот обычай прекратился.

По словам предания, в прежнее время жил один большой черный шаман, который после смерти сделался заяном. Этому покойному черному шаману в прежнее время приносили человеческие жертвы, но впоследствии этот обычай прекратился, вследствие приказания бурхана, который этого покойного черного шамана обратил в медведя; при этом бурхан приказал этому шаману более не принимать жертвоприношения человеком, а велел ему лизать свою лапу зимою и тем питаться; с этого времени прекратились человеческие жертвоприношения. После этого у бурят появился так называемый «бабаган-онгон», т.-е. «медвежий онгон».

Нынешние шаманы Унгинского Инородческого ведомства «бабаган-онгон» призывают следующим образом:

Шишки монгон төрёл	Рождение Шишки-Монгол
Шингил шибэ газар.	Земля (местность) Шингил — шибэ,
Баруни тайгаха бухада,	Из западной тайги спустился,
Бар ехэ бабага	Большой лев, медведь;
Бар тайга гудэл	Непроходимая тайга — бег,

Хуни мяхан хунхэн;	Человеческое мясо — еда,
Гур тайга гудэл	Заросшая тайга — бег,
Хульжиргэнэ иден;	Смородина — пища;
Улая долежи хула абши	Лижа подошву пропитание получил,
Төрөлдө ижи ябалаб»...	В рождении так ходил(?)...

А вот еще призывание «бабаган-онгон» со слов другого шамана: [137]

Бабагаяр хубиллаб	В медведя превратился
Бархан тагар эргилэб,	В непроходимых тайгах побывал,
Бальширганар иде хэлэб	Из бальширгана пищу сделал,
Хуни мяхар хунхэ хэлэб;	Из человеческого мяса харчи сделал,
Хульжиргэнэр иде хэлэб,	Из смородины пищу сделал,
Хушун бэрэ хонолго хэлэб	На каждой горе ночевку сделал,
Хөбшин тагин хөбши харлаб»...	Старухи ¹⁾ тайги середину ²⁾ видел...

Медведь, по мнению бурят, прежде был большим черным шаманом, или, как иные говорят, шаманкой, которые обратившись в медведей хотели испугать самого бурхана. Бурхан, разсердившись, оставил их навсегда медведями³⁾. Вообще души черного шамана и шаманки обращаются в медведей в таком виде странствуют, куда им угодно, для исполнения своих намерений.

В прежнее время, при совершении зэгэтэ-аба (о котором мы уже имели случай говорить), мстительные и подозрительные начальники Галша и другие во время призывания какого-нибудь черного заяна, не выбирали ли кого-нибудь из людей от лица этого заяна, и если этот человек казался им вредным и подозрительным, то не приносили ли его в жертву?

Во многих жертвоприношениях черным заянам сохранились ясные следы человеческого жертвоприношения и также в очистительных жертвоприношениях видны такие же следы, в обрядах: зя-гаргаха, орго-ама-тахалха и пр.

Может быть, белые шаманы, не желая совершать жертвоприношение человеком, обходили это так, что во время обряда делали человеческую фигуру, и сожигали на огне вместо человека. Все это может выясниться при дальнейшем изучении шаманства учеными специалистами.

25 апреля, 1895 г.

⁺⁾ Так в журнале – *OCR*.

¹⁾ Буквально следовало-бы: тайги старой как старуха.

²⁾ Здесь хөбши переведено „середина”. — „Хөбши” буквально — тетива лука, а здесь употреблено в смысле середины. Обыкновенно буряты говорят: „хэря хөбши”—дословно: тетива степи, т.-е. середина степи; точно также „гурбин хөбши” тетива долины, т.-е. середина долины.

³⁾ По преданиях великоруссов и малоруссов, старик со старухой, желавшие испугать Бога, обращены в медведей. *Ред.*
